

**АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

на правах рукописи

А.А. БРУДНЫЙ

ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

620 – Диалектический и исторический материализм

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Фрунзе 1970

Работа выполнена в институте философии и права Академии Наук Киргизской ССР.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор А.Г.Сpirкин (Москва);

доктор философских наук,
профессор Б.А.Аманалиев (Фрунзе);

доктор филологических наук
А.А.Леонтьев (Москва).

Ведущее научное учреждение: Институт философии АН СССР,
сектор философских вопросов
психологии.

Автореферат разослан «19» мая 1970 г.
Защита состоится в июне 1970 г.
на заседании Объединенного ученого совета
Отделения общественных наук АН Киргизской ССР:
г. Фрунзе, ул. XXII партсъезда, 265-а.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке АН Киргизской ССР.

Ученый секретарь совета
кандидат экономических наук

А.М. Молдокулов.

Диссертация подразделяется на шесть глав. Им предпосланы вводные замечания, касающиеся структуры исследования, использованного материала, публикаций и т.д. Завершает диссертацию заключение, в котором суммированы результаты проделанной работы.

В главе первой «Предмет исследования» очерчен круг философско-методологических проблем, рассматриваемых в диссертационной работе. Ее предметом является диалектика языка, сознания и действительности. Но, как показал Ф.Энгельс, существует, строго говоря, не одна, а две диалектики: объективная диалектика развития – она первична – и ее вторичное мысленное отображение. Диалектика категорий «язык», «сознание», «действительность» вторична: она неполно и приблизительно отражает объективно присущие развитию противоречия. Тем не менее, диалектически сложное переплетение взаимосвязей языка, сознания и действительности поддается рациональному анализу, и он имеет свою историю.

Таким образом, предмет исследования в известном смысле традиционен. Однако внимание к нему в настоящее время выше, чем когда-либо в истории; попытки рассмотреть язык и сознание в их отношения в действительности продолжают учащаться. Причины тому следует искать в общественном бытии. В XX в. возник беспрецедентный по масштабам и эффективности комплекс средств общения. В результате философы, психологи, социологи увидели язык новыми глазами – как мощное средство управления поведением масс. Трансформировалось и само понятие «язык»: стало очевидным, что помимо естественного языка могут создаваться и служить общению другие знаковые системы; часть из них относительно нова («язык кино»), часть имеет давнюю историю, но не рассматривалась в этом аспекте («язык архитектуры»). Далее, с формализацией, концептуальным моделированием, развитием новых математических теорий и методов, т.о. с использованием особого рода знаковых систем – специфически связан современный этап развития научного знания. И это увеличило методологическое значение категории «язык». Наконец, (что осознано еще не всеми) мы вступили в предполье небывалых ранее социально-психологических перемен в языковой практике и языковой политике. Ее возможности, по-видимому, резко возрастут, затрагивая устои языкового существования, и необходим марксистский философский подход, чтобы реализовать их в интересах того, кто является субъектом существования языка – в интересах народа.

Это не значит, что актуализированная проблематика отвлечена от охарактеризованного выше предмета исследования. Напротив, актуализация философских и общественно-психологических проблем этого рода именно и обусловлена структурно сложным и диалектически противоречивым соотношением языка, сознания и действительности.

Это соотношение издавна рассматривается под философским углом зрения.

В.И.Ленин определил те области знания, из которых должны сложиться теория познания и диалектика. К их числу он отнес, наряду с историей философии и отдельных наук, историю умственного развития

ребенка, историю умственного развития животных, историю языка, психологию, а также физиологию органов чувств.

Данная глава включает краткий исторический очерк, показывающий, что две индийские философские доктрины – апока и, позже, анандавардхана – и поныне не утратили своего значения полностью, как и некоторые положения Гераклита, Горгия и Парменида. Детально изложены и обобщены данные о коммуникативных социально-психологических экспериментах Дж.Свифта. Показано, каким путем он добился психологического эффекта, который при прочих равных условиях не превзойден. Особое место в исторической части работы занимает сопоставление субъективного идеализма К.Фосслера и механистического материализма Блумфилда-Гардинера.

Переходя к структурной характеристике предмета исследования, автор подчеркивает неравнозначность трех его компонентов, предлагая в качестве рабочих определений следующие.

Действительность рассматривается как наличное бытие природных и социальных явлений, как закономерная реализация конкретных возможностей развития природы и общества, как все существующее, взятое в противопоставлении всему неосуществленному, тому, что могло быть и не будет.

Сознание как отражение действительности обладает совокупностью признаков, которые даны в работе преимущественно по А.Г.Спиркину (см. его «Происхождение сознания», 1960), с некоторыми принципиальными коррективами. Под сознанием подразумевается (1) высшая функция мозга, (2) свойственная только человеку, (3) реализуемая с помощью механизмов речи и (4) состоящая в целенаправленном отражении объективного мира, регуляции действий и оценке их результатов, а равно контроле отношения к действительности, природной и социальной. Контролируемое отношение личности к тому, что ее окружает – ведущая особенность индивидуального сознания. Взаимопереход между индивидуальным и общественным сознанием происходит в процессе общения.

Язык есть средство общения, орудие познания и форма существования общественно-исторического опыта человечества. В языке специфически отражена действительность как объект познания и предмет общения людей. Язык способен передавать мысль в процессе общения благодаря тому, что слова чувственно воспринимаются; язык требует понимания, и это требование выполнимо потому, что его семантическая сфера нераздельна с психикой человека. Язык одновременно принадлежит действительности и сознанию. Мысль становится действительной, когда она обретает речевое выражение, когда она к кому-то обращена, т.е. превращается в достояние людей, сохраняя однако индивидуальную форму материального воплощения.

Вопросу о материальной вещественности языка в марксистской философии уделяется определенное внимание. С одной стороны, «звуковая материя языка» (по выражению Маркса) является существенным источником сведений о конкретных языках, их истории и т.д. С другой стороны,

«звуковая материя» – не единственная и не абсолютно обязательная форма материального воплощения мысли. В этом плане необходимо заметить, что возникновение и различие письменной речи сыграло значительную роль в дифференциации форм общественного сознания. Особое влияние на мироощущение людей оказывала стабилизация отдельных текстов идеологического содержания: любое их изменение на протяжении веков почиталось кощунством (религиозно-канонические тексты) или являлось особой прерогативой власти (тексты законов).

По-видимому, нет серьезных оснований сомневаться в том, что естественный язык эффективно используется людьми; отсюда, впрочем, не следует, что естественный язык описывает мир с высокой точностью и необходимой полнотой. Напротив, стремление добиться точности и полноты описания безусловно очевидных фактов зачастую приводит к психологически парадоксальным следствиям: нарушается узнавание описанного факта, а в результате снижается коммуникативная эффективность речевой передачи мысли, некоторые авторы относят это явление к числу предвестников глобального кризиса языка. Возможность подобного кризиса обсуждается в заключительной части главы. Такой кризис в целом маловероятен и во всяком случае его можно предупредить.

В главе второй «Знак и сигнал» и главе третьей «Информация и семантика» рассматриваются методологические проблемы кибернетики к семиотики, непосредственно относящиеся к основной теме работы. Взаимопроникновение сознания и языка сложилось под определяющим влиянием объективной действительности. Можно обсудить, позволяют ли кибернетические и семиотические интерпретации фактов обнаружить такие явления и процессы, которые послужат связующими звеньями между тремя компонентами предмета нашего исследования.

С этой целью введем понятие о коммуникации.

Как объект философского анализа коммуникация представляет собой один из видов всеобщей связи между явлениями – так называемую направленную связь. Она осуществляется сигналами, направленными от одних явлений к другим, и находит выражение в различного рода коммуникативных процессах, протекающих в природе и обществе.

Коммуникация, весьма многообразная в своих конкретных проявлениях, едина в своей сущности: сущность коммуникативных процессов заключается в передаче информации. Точнее, коммуникация есть именно передача, и факт ее существования очевиден, в то время как существование информации такой непосредственной очевидностью не обладает и даже ставилось под вопрос. Автор не разделяет мнения Дж.Бар-Хилделя, предлагающего избавиться от термина «информация» с его двусмысленностью и «смысловыми ловушками (semantic traps) путем простого переименования теории информации. Конечное решение этого вопроса зависят от того, существует ли информации на самом деле или же это продукт конвенции, который вышел из-под контроля, как и любое олово

с неточно определенным значением». Факты позволяют утверждать, что информация имеет место в реальной действительности.

Существует то, что уменьшает неопределенность ситуации, указывая, какой из нескольких вероятных исходов наступил (или наступает). Существует то, что уменьшает количество возможных вариантов решения задачи, приближая, их число к единице, к единственно правильному ответу. Эти определения носят характер операциональных, в них обобщен порядок действий, которые с необходимостью выявляют специфику структуры информации. Прежде всего, здесь неявно вводится представление о системе, принимающей сведения, способные повлиять на оценку ситуации или решение задачи. Прием сведений, в свою очередь, предполагает затрату энергии на их передачу с помощью некоторого материального носителя. Теперь перед нами возникают очертания структуры информации: она образована отношением трех элементов – А, В, С – и удовлетворяет следующему определению. Если множество событий А через посредство изоморфного ему множества событий В влияет на управляемый процесс С, то изоморфное соответствие между В и А есть информация. Множество событий В – это сигнал о множестве событий А. Сигнал воздействует на принимающую систему, в которой протекает управляемый процесс С. Изоморфизм двух множеств событий сам по себе составляет «потенциальную информацию», своего рода возможность, которая реализуется лишь в отношении к конкретной принимающей системе.

Суть коммуникации и заключается в том, чтобы направить сигналы к конкретным принимающим системам. Соответственно, коммуникативный процесс предполагает работу некоторой направляющей системы. Но подобная система, вообще говоря, не обязательна для того, чтобы между явлениями возникало специфическое отношение, именуемое информацией.

Существование любого явления можно рассматривать как процесс, состоящий из множеств событий. Каждое из этих множеств изоморфно множеству событий, происходящих с другими явлениями. Тем самым, любое явление может послужить источником информации о других. Эта возможность реализуется только в отношении к системам, активно отражающим действительность. При этом сказываются два взаимосвязанных обстоятельства: 1) информация есть продукт (и мера) сложности организации; 2) количество информации находится в отрицательной логарифмической зависимости от вероятности событий, которым соответствует сигнал.

Информация, поступающая в принимающую систему, образует переход от неопределенности к определенности. Этим, возможно, и объясняется, что существование информации не очевидно и даже оспаривалось. Переходы, как отмечал В.И. Ленин, вообще не отличаются очевидностью, обычное представление улавливает лишь различие начального и конечного состояния, но не переход от одного к другому. Переход от неопределенности к определенности, образуемый информацией, постоянно поступающей в наши органы чувств, зачастую ускользает от

обычного интроспективного представления и субъективно отождествляется с конечным состоянием. Характерны в этом смысле работы некоторых авторов, которые подразумевают под информацией нечто свойственное принимающей системе, онтологически дифференцируя нематериальную «человеческую информацию» и материальную «машинную информацию», между тем, история зарождения теоретических представлений об информации показывает, что информация впервые обратила на себя внимание в процессе ее передачи, по пути к принимающей системе. Там, где в силу технических причин переход от неопределенности к определенности был искусственно растянут, и возникла возможность исследовать то, что образует этот переход. Методологически существенно, что изучение информации началось с решения теоретических и инженерно-технических проблем связи.

На протяжении ряда лет теория информации занималась, главным образом, эффективностью передачи сведений по каналам связи. Изучались оптимальные методы кодирования информации, но вопрос о том, как она повлияет на принимающую систему, оставался в стороне. Н. Винер поставил этот вопрос на обсуждение, указав, что существует различие между информацией, поступающей в систему по каналам связи, и информацией, воздействующей на поведение системы. Он считал, что это различие обусловлено особенностями передачи информации внутри системы. В процессе передачи информация чаще всего теряется, реже – сохраняется в исходном количестве, и никогда не бывает приобретена. Потери информации могут быть управляемыми, когда на пути информации встает последовательность фильтров, не пропускающих определенные части сообщения. Через такую серию фильтров и проходит информация, поступив в принимающую систему. Поэтому количество информации «на входе» в систему больше количества информации, которая «срабатывает на выход», т.е. изменяет состояние системы, ее поведение. Эту «действующую» информацию Н. Винер назвал семантически значимой. Таким образом, количество семантически значимой информации растет с уменьшением потерь в фильтрах принимающей системы.

В диссертации рассматривается качественная дифференциация информации, взятой в ее отношении к принимающей системе. Часть информации, включенной в структуру некоторого сообщения, может специально предназначаться для воздействия на фильтры принимающей системы. Подобного рода воздействие, ослабляющее эффективность фильтров, и является, по-видимому, фасцинацией (в терминах общей теории сигнализации Ю.В. Кнорозова). Сокращая потери в системе фильтров, фасцинация выступает в качестве фактора, увеличивающего количество семантически значимой информации.

Формы фасцинации различны. Важным фактором фасцинации является ритм. Существует семантическая фасцинация. Поступление информации принципиально связано с тем, что она уменьшает неопределенность ситуации; это, однако, не исключает элемента неопределенности в самом

содержании поступившего сообщения, допускающего ряд прагматически неравнозначных интерпретаций. Может играть fasciniрующую роль и неопределенность адреса. Сигналы коллективной обращенности могут при известных условиях оказать fasciniрующее влияние именно в силу того, что они не адресованы индивиду лично, и он это сознает.

В главе второй специально отмечается, что кибернетическое понимание сигнала как материального носителя информации, не аналогично тому пониманию термина «сигнал», которое сложилось в физиологии высшей нервной деятельности. И.П.Павлов ввел в научный обиход термины «первый сигнал» и «второй сигнал».

Первые сигналы – это ощущения, впечатления, представления о предметах внешнего мира. Второй сигнал – слово, произносимое, слышимое и видимое. Первый и второй сигналы и суть сигналы принятые (и это сугубо важно в гносеологическом отношении). Первый сигнал есть субъективный образ объективного мира; неотъемлемый признак второго сигнала – его понимание, слово услышанное, но не понятое не есть второй сигнал.

Понимание слов составляет intersубъективно необходимую предпосылку и интроспективно обязательное проявление речевого общения. Но в процессе общения язык никогда не функционировал обособленно; уже на самых ранних этапах своего развития он выступает в сопровождении дополнительных знаковых систем – мимической и жестикуляторной. Значение последней со временем упало, но мимика и жест продолжают оставаться естественными спутниками речевого общения.

Разрослась семья дополнительных знаковых систем иного рода, менее устойчивых и исключительно разнообразных по назначению и структуре. Язык обладает стабильными законами функционирования, которые не позволяют ему немедленно реагировать существенными изменениями в ответ на временные социально-технические потребности общества. На такие потребности отвечают (и очень быстро) различные коды, условные знаки и т.п. изучение этих знаковых систем оказалось плодотворным как в общетеоретическом, так и в прикладном отношении. Но одновременно подтвердилось отсутствие каких-либо обязательных отличий неязыковых знаков от языковых. Отличия, конечно, были, но не создавалось прочной основы для того, чтобы обобщенно формулировать критерии принципиальных разграничений между языковым и внеязыковым знаком. Поиски подобных критериев свелись к определению особенностей, статистически более вероятных для языкового знака, нежели для неязыкового, и наоборот. Объясняется это, по-видимому, тем, что неязыковые системы наделены структурно-функциональной общностью с языком.

В физиологическом и психологическом плане выделение слов в особую категорию кажется вполне обоснованным. Они употребляются «не только при взаимном общении, но и наедине с самими собой»¹, слово служит

¹ И.П. Павлов. Полное собрание сочинений. Т.3, кн.2. – С. 345.

основной единицей речи, как внешней звуковой или письменной, так и внутренней, причем внутренняя речь находится в ином, чем внешняя, отношении к мышлению. Здесь мы имеем дело уже не с обменом мыслями, но с формированием мыслей, не с общением между людьми, но с отражением объективной действительности в сознании индивида. Будучи формирующим элементом мысли, слово постоянно содействует запечатлению и переработке информации о предметах и явлениях объективного мира. Постоянное участие в мышлении многие исследователи считают функционально специфичной для слова чертой, отличающей его от неязыковых знаков, а внутреннюю речь рассматривают как механизм мышления. В этой связи представляет интерес гипотеза о существовании особого «языка мысли». Согласно этой гипотезе, осмысленная фраза, которую произносит индивид – носитель языка, является как бы результатом перевода с «языка мысли» на «язык слов». Термин «язык мысли», по-видимому, не вполне удачен; предпочтительнее пользоваться термином «семантический язык». С его помощью проще формулировать предположение, что в процессе внутренней речи происходит частичное расщепление значений слов на элементарные смысловые единицы семантического языка; тогда «язык слов» и «семантический язык» можно рассматривать как взаимно дополняющие друг друга средства речевого мышления. В работе обсуждается это предположение и возможные пути его проверки.

Будем считать, что знак – это материальный объект, через посредство значения приводимый в соответствие с некоторым другим объектом (или ситуацией). Тогда значения знаков должны сохраняться в памяти коммуникантов, для которых значение есть свойство знака передавать информацию. При этом значение само по себе избыточно, поскольку коммуникантам оно известно. В силу того, что объем памяти коммуникантов так или иначе ограничен, в коммуникативных процессах повторно воспроизводятся тождественные знаки и тождественные отношения между ними. Их описывают как семиотическую систему, реализуемую в целях передачи информации, и называют эту систему языком.

Конкретизация этих общих положений применительно к естественному языку, важнейшему средству общения между людьми, ставят перед исследователем ряд методологических проблем. В их основе лежат диалектические противоречия, специфически свойственные познанию сущности языка. Среда методологических принципов исследования естественного языка особое место занимает тезис Хомского-Миллера: точное описание языка – одна задача, описание носителя языка – другая; они взаимосвязаны, но не тождественны. Хотя этот тезис и кажется очевидным, он все же оспорим: обобщенное описание носителя языка на определенном уровне абстрагирования составляет необходимый компонент точного описания языка как такового.

Глава четвертая «Отражение и рефлекс» открывается сопоставительным анализом различных определений рефлекса. Краткий

исторический экскурс характеризует процесс становления этого фундаментального для физиологии нервной деятельности понятия. С ним непосредственно взаимосвязано развитие материалистического взгляда на любые акты поведения как на закономерные и познаваемые. Рефлекторная теория является основой современных представлений о двойной детерминации психических явлений, причинно обусловленных, с одной стороны, окружающим субъект отражения материальным миром, а с другой стороны – материальным субстратом психики, мозгом, физиологическими процессами в нем происходящими. Основываясь на работах И.П.Павлова и А.А. Ухтомского, можно выделить в их интерпретации рефлекса две характерные черты: 1) рефлекс есть закономерная связь воздействия, внешнего или внутреннего, с деятельностью – связь постоянная или временная; 2) эта связь образована через посредство нервной системы.

Пятнадцатый тезис «Системы рефлексов в восходящем ряду» А.А.Ухтомского предлагал видеть в безусловном рефлексе частный, поздний и специальный продукт редукции рефлекса условного. Тогда целесообразный характер безусловных рефлексов находил рациональное объяснение. Естественный отбор закрепляет лишь деятельность заведомо биологически оправданную, совершенствующую поведение особи в данных конкретных условиях существования. Это объяснение содержало долю логической несообразности, ибо биологически оправданный характер у с л о в н о рефлекторного акта был постулирован, но не доказан. Такого рода доказательства дала теория П.К.Анохина, в рамках которой информация о подкреплении придает условному рефлексу относительную целесообразность, в силу того, что в головном мозгу раньше чем появится действие, всегда формируется аппарат цепки этого действия. Следовательно, предварительная оценка последствий «произвольного действия» есть проявление процесса, рефлекторного по своей природе. Как полагает П.К.Анохин, изучение физиологических механизмов целостного поведенческого акта должно расширить понятие рефлекса до понятия функциональной системы. Под функциональной системой подразумевается динамическое объединение физиологических процессов, взаимодействие которых ведет к конечному приспособительному эффекту, отвечающему данной ситуации.

Образование функциональных систем как закономерное звено процесса регуляции жизнедеятельности рассматривается в работе в качестве одного из аспектов биологической формы движения материи.

Общие черты, свойственные всем формам движения материи, определяются как перемещение, изменение и взаимодействие. Они представляют собой три стороны движения, и от их соотношения зависит специфика его форм. Так, специфику химической формы движения составляет изменение (происходящее при перемещении и взаимодействии молекул и ионов). Доминирующей стороной биологической формы движения является взаимодействие живых систем со средой (предполагающее конечно изменение любой такой системы и постоянное перемещение ее элементов).

Исследуя взаимодействие, Гегель (в § 156 «Науки логики») ссылаясь на единство органов и их функций; Энгельс по этому поводу замечал, что благодаря взаимодействию и образуется переход к сознанию. В основе существования живых систем лежит обмен веществ. Как процесс общего порядка он типичен и для органической, и для неорганической природы. В неорганическом мире обмен веществ со средой есть причина превращения данного материального тела в другое тело (или тела); напротив, для органического тела обмен веществ есть условие сохранения и развития характерной для данного тела воспроизводимой структуры. Связано это с тем, что для органических тел специфично кратное взаимодействие: а именно, взаимодействие живой системы с окружающей средой находится в диалектическом единстве с взаимодействием компонентов, образующих систему.

Последовательно критикуя субъективно-идеалистическое понимание природы ощущений и метафизический подход к факту их существования, В.И. Ленин пришел к кардинально важным выводам. Свойством, по существу родственным ощущению, обладает вся материя; ощущение, мысль, сознание выступают как выражение этого свойства на высших этапах ее развития. Ленинский тезис отрицает как абсолютное противопоставление ощущающей и неощущающей субстанции, так и утверждения о том, что материя в любой ее форме всегда способна ощущать, ибо ей имманентно духовное начало.

Основное внимание в главе четвертой уделяется ленинскому тезису об отражении как свойстве материи. Логика развития ленинской мысли имела отправной точкой решение вопроса о том, как взаимосвязаны внешний мир, ощущения и обмен веществ. В.И. Ленин считал, что картина мира, которая дана живому организму в его ощущениях, и процесс обмена веществ принципиально взаимосвязаны. Этот процесс не мог бы протекать естественно, если бы органы чувств не способствовали ориентации организма в изменяющейся внешней среде. Объективно-правильные сведения о внешнем мире служат необходимым условием актов регуляции, вне которой осуществление обменных процессов утратило бы приспособительную биологическую специфику. Обмен веществ (как способ существования в среде) предполагает регуляцию жизнедеятельности, а для осуществления регуляции необходим приток сведений о событиях, которые влияют или могут повлиять на обменные процессы и живую систему в целом. Следовательно, прием и сохранение информации составляют важные звенья кратного взаимодействия.

Такого рода взаимодействие имеет место и в неорганическом мире, где оно, впрочем, не играет столь заметной роли (и, соответственно, свойство отражения выражено там в далеких от ощущения формах, хотя и родственно ему).

В четвертой главе предпринята попытка показать, что отражение есть особая форма взаимодействия, которая образуется на стыке двух процессов: 1) взаимодействия системы со средой и 2) взаимодействия компонентов системы.

Глава пятая «Сознание и действительность» включает в себя анализ так называемой «дилеммы метафизиков». Убежденные и последовательные материалисты, утверждая, что сознание является вторичным, а материя первичной, с необходимостью приходят и к другому, кардинально важному положению, а именно – что в мире нет ничего, кроме вечно движущей материи. Это второе положение находится в видимом противоречии с первым, согласно которому кроме материи существует также и сознание. С метафизической точки зрения есть только два логически возможных способа это противоречие преодолеть: либо признать сознание, идеальное изначально присущим материи, либо считать сознание лишенным идеальной природы, признать его материальным феноменом. Революционный переворот, совершенный марксизмом в философии, явился решительным отрицанием метафизического подхода к проблеме происхождения и природы сознания; ленинское решение этой проблемы базируется на диалектической логике. Свойство отражения, присущее всей материи, не тождественно идеальному, психическому; в то же время, с развитием этого свойства, уже на достаточно высоком уровне системной организации живой материи, у материальных отражательных процессов возникает нематериальная «внутренняя» сторона, которую и принято именовать идеальной, психической. Что объективно является материальными процессами в мозге данного индивида, то субъективно, т.е. для него самого, является его мыслями, ощущениями, переживаниями. Как таковые, они лишены материальной вещественности, но их существование невозможно, вне материи функционирующего мозга, а их содержание представляет собой отражение материального мира, в котором живет, мыслит и действует данный индивид. Равным образом, и зарождение психики детерминировано двояко: и отражаемым внешним миром, и развитием субстрата отражательной деятельности. Для эволюционной характеристики психики важен «принцип воронки» Шеррингтона-Ухтомского. Категориально этот принцип представляет собой специфическую конкретизацию взаимоперехода «возможность-действительность» в процессе существования высокоорганизованных живых систем. Набор элементарных актов поведения, обеспечивающих животному возможность существовать, относительно невелик. Эту возможность переводят в действительность сигнальные механизмы, регуляции поведения. Число сигналов, которые потенциально могут нести информацию о пищевых и других безусловно-рефлекторных раздражителях, на несколько порядков превосходит количество этих раздражителей. Необходимость перебора всех возможных сигналов обусловила и появление психики как способа постоянно представлять их совокупность. Число возможных носителей информации о биологически существенных раздражителях эволюционно росло: все большее и большее количество явлений окружающего мира отражалось в психике высокоорганизованных животных. Но человеческая психика отличается от психики животных качественно. Человек как совокупность и продукт общественных отношений активно отражает действительность.

Активное отражение действительности возникло и оформилось под определяющим влиянием бытия. И отражение действительности людьми в специфически свойственных для них формах сложилось потому, что существовала объективная необходимость в регуляции их совместной деятельности, направленной на преобразование окружающего мира. Целям регуляции отвечала осознанная картина действительности и способность экстраполировать ее изменения, предстоящие в обозримом будущем. Таким образом, отражение действительности человеком по природе своей диалектично. Оно требует и максимального сближения с действительностью, и отвлечения, абстрагирования от нее.

Принцип активности не противостоит принципу детерминизма. Именно окружающим миром обусловлены чувства, мысли и поступки человека. Поведение человека детерминировано изменениями, происходящими во внешнем мире. В том, чтобы прогнозировать реальную возможность этих изменений и отвечать на них быстро и правильно, – суть регуляции поведения. Поэтому работа мозга направлена 1) на получение возможно большего количества информации и 2) на скорейший выбор оптимального плана действий. Временами доминирует первое направление, но главным является второе.

Ограничения времени составляют важный, хотя не совершенно обязательный компонент условий работы физиологического субстрата сознания – мозга.

А.И.Леонтьев показал, что сознание человека неразрывно с деятельностью и именно в силу этого представляет собой «отражение действительности, как бы преломленное через призму языковых значений, понятий»², В свете этой концепции особую роль приобретает динамическое единство компонентов, из которых складывается непосредственная взаимосвязь объективного и субъективного.

Окружающий нас мир един в своей материальности и закономерен в своей изменчивости. Материальное единство мира предполагает известную системность происходящих в нем событий, а объективно присущая движению закономерность налагает вероятностные ограничения на последовательность событий. Происходящие в окружающем мире события выражают его изменчивость, объективно реальны и отражаются в человеческом сознании. Условимся рассматривать отражаемую в сознании последовательность событий в качестве некоторого заданного языка – языка событий. Вполне очевидно, что перевод с языка событий на язык слов необходим для регуляции человеческого поведения, и подобный перевод является одной из важнейших задач, решаемых мозгом. Но оптимальная регуляция поведения и, в частности, регуляция операторной деятельности индивида требует достаточно высокого темпа решения задач. В этих условиях осуществляется субъективная оценка вероятностных ограничений, объективно свойственных языку событий, и он частично креолизуется;

² А.Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. – М.: «Мысль», 1965. – С. 281.

возникает язык ситуаций, включающих в себя деятельность индивида или, точнее, последовательно повторяющиеся элементы деятельности (в том числе и речевой деятельности, интериоризированной, выполняющей стереотипные регуляторные функции). Отвечая нуждам ускоренного перевода на язык слов, язык ситуаций вместе с выигрышем в темпе приносит и редкие, но ощутимые доказательства своей неточности. Именно они привлекали внимание Уорфа и послужили опорой его гипотетических построений.

Отождествление языка событий с языком ситуаций повлияло как на Уорфа, так и на его многочисленных критиков. В терминах, о которых мы условились, основной тезис Уорфа формулируется примерно следующим образом: «каждый данный язык слов накладывает отпечаток на язык событий», а противоположный тезис его критиков – «вполне возможен адекватный перевод с языка событий на каждый данный язык слов». Между тем, прямое противопоставление этих тезисов, по-видимому, нелогично: они отражают различные уровни описания фактов.

«Язык слов» накладывает отпечаток на «язык событий»: это часть процесса избирательного сближения отдельных элементов языка событий с элементами языка слов; это сближение есть проявление и следствие динамической стереотипии поведения.

Возможен адекватный перевод о «языка событий» на «язык слов», если фактор времени не ограничивает носителя языка, свободного в выборе вариантов перевода.

Шестая глава работы «Сознание и общение». Марксистская философия всегда придавала особую важность изучению процессов общения, отвечая их специфически важную роль в сознании человеком своей личной индивидуальности, в общественно-трудовой практике людей, в формировании и развитии человеческого мышления. Объективная необходимость в общении явилась фактором, порождающим и язык, и сознание. Язык есть практическое сознание; это положение К.Маркса раскрывает единую функциональную сущность сознания и языка в процессе происхождения человека. Этот процесс имеет основой совместную деятельность людей, преобразующую материальные объекты. Язык возникал как практическое средство, направляющее деятельность людей на достижение некоторой общей цели, Здесь никакой функциональной грани между языком и сознанием провести нельзя. На этой начальной – стадии развития человечества одина роль языка как средства общения и роль сознания как средства регуляции общественного поведения людей. В использовании языка человек видит непосредственно воздействие на поведение себе подобных. Это «чисто животное сознание», по выражению К.Маркса, это противоречивое сочетание черт, специфичных для сознания и для его эволюционной предыстории. В этой связи особое внимание в главе шестой уделяется коммуникативным формам поведения в животном мире. Наблюдения ряда авторов свидетельствуют, что особи, входящие в относительно стабильные сообщества, координируют свое поведение с

помощью сигнализации, значительно более сложной и многообразной, чем это ранее было принято полагать. Так, в сообществах антропоидов звуковая и оптико-кинетическая сигнализация функционирует как эффективное средство воздействия на поведение, причем сигналы, в соответствии со своим значением, прочно «привязаны» к определенным конкретным ситуациям. Сигнал тревоги, например, звучит в ситуациях опасности и вне ситуаций этого класса не употребляется; антропоид не может использовать сигнал тревоги для того, чтобы сообщить об опасной ситуации, которая имела место в прошлом или может наступить в сколько-либо отдаленном будущем. Допустимо предположение, что эта особенность, принципиально характерная для доречевой сигнализации вообще, еще могла сохранять силу на раннем этапе формирования речи, когда необходимость вступать в общение осознавалась людьми только как необходимость координировать свою деятельность в определенных конкретных ситуациях.

Разнообразие подобных ситуаций растет с усложнением трудовой деятельности, а вместе с ней усложнялась и речевая сигнализация. По-видимому, лишь на позднейших этапах антропогенеза язык изменился качественно, употребление речевых сигналов приобрело относительную независимость от ситуаций, в которых протекает общение. Возникает и реализуется возможность отвлечения от непосредственной действительности: события, которые происходили в прошлом или смогут когда-либо произойти, ситуации вероятные и ситуации неосуществимые – все это становится в принципе доступным языковому описанию. Сознание вступает в ту фазу своего развития, когда оно, по словам К.Маркса, «действительно может представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного».

Таким образом, человек первоначально отличается от животного «лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, – что его инстинкт осознан»³. Этот, по определению В.И.Ленина, «инстинктивный человек» не выделяет себя из природы. Напротив, «сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т.е. познания мира...»⁴ Переход от «инстинктивного человека» к «сознательному» связан с появлением у языка категориальной функции и развитием логического мышления. Будучи интересубъективной, категориальная семантическая система осознается человеком потому, что она осознана людьми. Категориальная функция и характеризует язык как практическое сознание, действительное для других людей, а тем самым – и для данного человека. По причинам конкретно-исторического порядка одни языки стали достоянием гигантских языковых коллективов, а другие столь широкого распространения не обрели. Но это не означает, что более распространенные языки в структурно-функциональном отношении принципиально превосходят менее распространенные. Правда, при сопоставлении различных языков наблюдается поразительный размах

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3. – С. 30.

⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т.29. – С. 85.

колебаний в объеме словаря. Но лексическое богатство языка не может рассматриваться как стабильный показатель его совершенства и жизнеспособности. Немало языков, ныне уже не относимых к категории «живых», располагало богатейшей лексикой; в свою очередь, исторический опыт свидетельствует о возможности скачкообразного роста количества лексических единиц, отвечающего коммуникативным потребностям нового этапа в общественном развитии (такие изменения характерны, например, для младописьменных языков ряда социалистических наций).

Язык служит основным средством обмена мыслями в обществе. Любую законченную мысль, выраженную словами, можно рассматривать в двух отношениях: в отношении к действительности, которую эта мысль должна отразить, и в отношении к людям, которые эту мысль должны понять. Рассматривая мысль в первом отношении, проверяют, адекватно ли она отражает объективный мир. Изучая речевое выражение мысли во втором отношении, необходимо оценить, адекватно ли понимание мысли ее действительному содержанию. Анализируя возможные варианты понимания мысли, мы стремимся найти ее такое выражение, которое свело бы количество вариантов к минимуму. В идеальном случае мысль должна быть выражена так, чтобы ее нельзя было не понять.

Принципиальная особенность речевого выражения мысли состоит в том, что она обращена к другим, людям, а не является исключительно фактом сознания индивида. Благодаря обращенности, речевое выражение мысли становится фактом коммуникации.

Для характеристики коммуникативного процесса существенна направленность передачи сигналов. В зависимости от семантики сообщения, сигналы могут быть направлены либо точно известным адресатам, либо некоторому множеству вероятных адресатов. Это находит отражение в подразделениях коммуникативных процессов на аксиальные (от латинского *axis* – ось) и ретиальные (от латинского *rete* – сеть, невод). Аксиальный коммуникативный процесс предполагает передачу сообщения строго определенным единичным приемникам информации. Сигналы, направленные множеству систем одновременно, вовлекают в ретиальный коммуникативный процесс подмножество принимающих систем – тех, для которых семантически значима сообщаемая информация.

Аксиальные и ретиальные формы коммуникации взаимодополняют друг друга. Когда человек адресует свои высказывания единичному лицу и выслушивает то, что говорят именно ему, общение выливается в аксиальную форму. За последние 30-40 лет объем циркулирующей в обществе информации скачкообразно вырос; возросла и роль ретиальной коммуникации в жизни индивида. Наряду с периодической прессой, радиовещание, кинематография, телевидение образовали совокупность факторов, вовлекающих в ретиальные коммуникативные процессы широкие массы людей. Общественно-психологическое и идеологическое значение так называемых «средств массовой коммуникации» во многом определяется спецификой ретиальной коммуникации. Она принципиально связана с

обращенностью к большой или малой социальной группе. А индивид, получая сообщение, направляемое группе, определенным образом осознает свою принадлежность к ней, в процессе понимания сообщения он так или иначе учитывает вероятную реакцию группы и т.п. В результате полученные этим способом сообщения не только информируют индивида, но и социально ориентируют его. Функция социальной ориентации сочетается с собственно информационной и их нельзя механически подразделять.

Обратная связь в аксиальных коммуникативных системах обеспечена гораздо надежнее, чем в ретинальных. Прimitивная структура обратных связей не дает пока возможности своевременно получать полную информацию о социально-психологической эффективности конкретного использования средств массовой коммуникации. Следует ожидать, что в ближайшие годы одной из наиболее актуальных проблем станет организация адекватной сети обратных связей в ретинальных коммуникативных системах.

Необходимым звеном коммуникативных процессов, протекающих в обществе, является понимание сообщений. Способность понять то или иное сообщение реализуется в сознании индивида при обязательном участии языка. С помощью конечного числа слов язык способен описать бесконечное количество объектов. В этих условиях однозначное соответствие слов какому-то классу объектов (или ситуаций) только стесняло бы возможности речевой практики.

Невозможно, по-видимому, составить удовлетворительное представление о слове, отвлекаясь от способа его существования. Слово существует не само по себе, а в языке. Значение становится функцией слова в силу того, что язык функционирует как единое целое. Л.С.Выготский характеризовал слово как «малый мир» сознания. Слово становится «ячейкой» человеческого сознания потому, что занимает определенную ячейку в структуре естественного языка, которому свойственна категориальная семантическая функция. Она выражается в том, что знак языка относит объект действительности к некоторой категории мышления. Фраза является осмысленной, когда через систему категорий установлено хотя бы частичное соответствие между элементами фразы и объектами. Отсюда вытекает принципиальная возможность рассматривать значение как автономную функцию категориальной семантической системы. Слова становятся информативными в отношении 1) к событиям (о которых они сообщают), 2) к контексту (в который они включены), 3) к людям (которым эти слова адресованы и понятны). Но необходимым условием комбинаторики этих трех отношений является категориальная семантическая система. Н.Э.Кристенсен сравнивает значение языкового выражения с должностью, а выражение – с должностным лицом. Должность существует, и ее кто-то исполняет, но это не обязательно одно и то же лицо; так и категориальное значение не обязательно выражается и тем же словом. Категориальная семантическая система интерсубъективна, т.е. общезначима для всех носителей данного языка и позволяет им осознавать все бесконечное многообразие смысловых вариантов, возникающих в процессе речевого употребления слов.

В заключительном разделе работы рассматриваются различные аспекты зависимости сознания от материи: 1) происхождение сознания есть результат развития одного из свойств материи; 2) содержание сознания есть отражение материального мира; 3) существование сознания есть свойство и следствие работы материального органа – мозга; 4) выражение содержания сознания и социальная реализация его существования есть материальный результат речевой деятельности.

Язык в той мере, в какой его существование чувственно воспринимаемо, есть факт действительности; язык есть, одновременно, факт сознания – в той мере, в какой его существование выражается в осознании смысла.

Таким образом, в языке, как в фокусе, сходятся связи, соединяющие сознание и действительность, индивидуальное сознание – с общественным, мысль – с общением и деятельностью людей.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах:

1. К вопросу о слове и его значении. Ученые записки филологического факультета Киргизского гос. университета, вып. II. – Фрунзе, 1956.
2. К вопросу о единстве двух сигнальных систем. Труды Киргизского гос. медицинского института, т. VIII. Фрунзе, 1956.
3. К проблеме знаковости языка. Тезисы доклада научной конференции проф.-препод. состава Киргизского гос. университета. Фрунзе, 1957.
4. О развитии идеи рефлекса. Бюллетень института краевой медицины АН Киргизской ССР, № I. Фрунзе, 1958.
5. Кибернетика и современная физиология. Труды Киргизского гос. медицинского института, т. XII. Фрунзе, 1959.
6. О сигнальных особенностях предложения. Тезисы докладов и сообщений на УП научной конференции проф.-препод. состава Киргизского гос. университета. Фрунзе, 1959.
7. О психолингвистическом аспекте проблемы актуализации. Тезисы докладов VIII научной конференции секции русской филологии Киргизского гос. университета. Фрунзе, 1959.
8. Некоторые физиологические вопросы исследования письменной речи. «Организационные и теоретические стороны графической экспертизы». Фрунзе, 1959 (в соавторстве).
9. Книга В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и некоторые проблемы современной физиологии. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 50-летию книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Фрунзе, 1959.
10. О современных чертах идеи рефлекса. Труды Киргизского гос. медицинского института, т. XIV. Фрунзе, 1960.

11. К применению методов прикладной лингвистики в исследовании семасиологической корреляции. «Питання прикладної лінгвістики». Черновцы, 1960.
12. Норберт Винер и некоторые философские вопросы кибернетики. Известия АН Киргизской ССР, т.3, вып.1, 1961.
13. Знак и сигнал. «Вопросы философии», 4, 1961.
14. Расщепление значений и некоторые проблемы словообразования. «Вопросы словообразования и фразеологии». Фрунзе, 1962.
15. Проблема семантической корреляции и некоторые вопросы лексикологии. «Вопросы лексики и грамматики русского языка», вып.1. Фрунзе, 1962.
16. О двух семантических состояниях слова. «Синхронное изучение ярусов структуры языка» (Материалы расширенного заседания лингвистического семинара). Алма-Ата, 1963.
17. Некоторые проблемы экспериментальной семантики. «Проблемы формализации семантики». Изд-во I МГПИИЯ. – М., 1964.
18. О некоторых приложениях теории информации. «Кибернетика. Мышление. Жизнь». Изд-во «Мысль». – М., 1964.
19. К проблеме семантических состояний. «Сознание и действительность». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1964.
20. Семантика и эвристический принцип узнавания. «Вопросы лексики и грамматики русского языка», вып.2. Фрунзе, 1964.
21. О фразеологизмах, имеющих терминологическое значение. «Вопросы фразеологии». Изд-во «САН», Ташкент, 1965.
22. Экспериментальная методика семантического анализа. Семинар по психолингвистике. Тезисы докладов. Москва, 1966.
23. Язык, сознание и общение. «Проблемы сознания». Изд-во «Наука», М., 1966.
24. Об экспериментальном моделировании речевой коммуникации. Проблемы общей психологии. Тезисы сообщений на XVIII Международном психологическом конгрессе, т. II. М., 1966.
25. Фасцинация и семантически значимая информация. Материалы X Республиканской межвузовской лингвистической конференции. Фрунзе, 1966.
26. Reciprocal impact of cultures and changes in the psychology of the kirghis. Развитие личности в условиях различных культур. XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 36. М., 1966 (в соавторстве).
27. On the experimental simulation of speech communication. XVII Международный психологический конгресс. Тезисы сообщений. т. II. М., 1966.
28. О предыстории научного знания. «Вопросы естествознания и техники в Киргизии». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1967.
29. О фантастическом отражении действительности. «Религия и свободомыслие». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1967.

30. Сознание. Материалы обсуждения проблем сознания на симпозиуме, состоявшемся 1-3 июня 1966 г. в Москве. Фиксированное выступление на секции «Проблема сознания в философском и психологическом аспектах». М., 1967.
31. Пути и методы экспериментального семантического анализа. «Теория речевой деятельности». Изд-во «Наука», М., 1968.
32. Экспериментальный семантический анализ. «Сознание и общение». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1968.
33. О дифференциальном семантическом подходе к тексту. Материалы второго симпозиума по психолингвистике. М., 1968.
34. Эвристическое значение символа. IV Всесоюзный симпозиум по кибернетике. Тбилиси, 1968.
35. Модель и ее возможности. «Проблема модели в философии и естествознании». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1969.
36. Коммуникация и сознание. Известия АН Киргизской ССР, 6, 1969.
37. О роли индивидуальной системы значимостей в психопатологии и психиатрии. Материалы Пятого Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров, т.3. М., 1969 (в соавторстве).
38. Ленинская теория отражения и некоторые проблемы современной психологии. Известия АН Киргизской ССР, 2, 1970.
39. О психологии веры в фантастическое. «Общественная психология и религиозные предрассудки». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1970.
40. Семантика языка и психология человека. Изд-во «Илим», Фрунзе, 1970, 17 п.л. (в печати).
41. О языке, сознании и действительности. «Философско-психологические проблемы коммуникации». Изд-во «Илим», Фрунзе, 1970 (в печати).